

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА КАК ОСНОВА РИТУАЛОВ КУЛЬТУРЫ

© 2017 В.М. Привалова

Привалова Вера Михайловна, доктор культурологии, кандидат психологических наук, научный редактор журнала «Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки».

E-mail: privalova@ssc.smr.ru

Самарский научный центр Российской академии наук. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 08.12.2017

Культурный континуум, в котором происходит процесс жизнедеятельности современного человека, состоит из наиболее устойчивых элементов – символов. По мнению Ю.М. Лотмана, символы выступают важным, а на наш взгляд, самоорганизующимся механизмом памяти культуры: символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой. Более того, пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Отметим, что символы маркируют и отражают основные актуальные процессы в социуме. Все это доказывает, что «единство основного набора доминирующих символов, и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» (Ю.М. Лотман). Таким образом «символопорождающую функцию» сознания, которая и генерирует смыслы, свернутые в символы, рассматриваем как изначальную предпосылку знаковой коммуникации в культуре, как основу общения людей. В этой связи единая когнитивная природа человека в его культурной истории самоопределяет формы его внутренней «экзистенции» по восприятию, оценке и пониманию символов культуры, которые имеют исторически сложившийся конвенциональный характер.

Вывод. Каждая культура имеет стратегии общения и коммуникации людей, обладает базовыми универсальными инструментами, которые необходимы в любой культуре, например: язык, речь, предметный мир артефактов, идеология, искусство, различные нормативные системы, а также война и другие. Трансляция культурно-исторического содержания окружающей индивида культуры происходит в семиосфере посредством символов, пронизывающих как прошлое, так и настоящее, а также уходящих в будущее в череде поколений людей. Каждый человек, по праву своего рождения на земле и факту культурно-исторического контекста, в процессе культурной коммуникации сопряжен с конвенциональным культурным полем всего человечества. Внешние и внутренние формы существования и отражения различной культурной информации, как единый взгляд на целостность человека указывают на то, что внешние формы, и внутреннее отражение таких форм, присущи знаково-символическому языку, а также являются стилем орнамента в системе культуры. Знаково-символический язык ритуалов культуры, присущ сознанию каждого человека, является неотъемлемой от него знаково-символической программой социальной инициации его сознания. То есть, сознание человека, обладая символопорождающей функцией, возникающей на основе его собственных когнитивных процессов, отражено в культуре как знаково-символическая прагматика ритуалов культуры, а также как конвенциональность знаково-символического языка.

Ключевые слова: Культурно-исторический континуум культуры; устойчивость знаково-символического контекста социальной коммуникации; конвенциональность символов культуры; знаково-символическая прагматика ритуалов.

Сознание человека, обладая «символопорождающей функцией», сверхъестественной, по сути, возникает все же, на основе его собственных когнитивных процессов, что не может не отражаться по законам знаково-символической прагматики в самой культуре, образуя ее. Существует знаково-символическая прагматика в культуре как само реализуемое поле культурной деятельности человека, имеющее жизненно важные цели и функции по сохранению жизни, как индивида, так и социума. Такое культурное поле, где символы создают континуум целостности культурно-истори-

ческого текста и контекста, обозначено следующим образом: «семиосфера» (Ю.М. Лотман) [1, с. 241], «ноосфера» (Т. Де Шарден, В.И. Вернадский), «когитосфера» и «духосфера» (В.П. Зинченко).

М.М. Бахтин также подчеркивает, что «каждое явление культуры конкретно-систематично» и занимает «существенную позицию по отношению к преднаходимой им действительности», приобщает «заданному единству культуры» [2, с.26]. Далее у М.М. Бахтина замечено, что вообще «есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков» [3, с. 303], который и при-

сущ знаково-символической картине мира, как родовому понятию, для языковой картины мира. Смыслопостигаемость мира вырастает из «перцептивности», то есть оснащения процесса жизнедеятельности определенными материальными знаками, которые скорее «символы языка», – М.М. Бахтин [2, с.148]. То есть, продолжая единую сквозную мысль Бахтина «каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом социальный опыт), они должны принять какое-либо временно-пространственное выражение, то есть принять знаковую форму, слышимую и видимую нами (иероглиф, математическую формулу, словесно-языковое выражение, рисунок и др.). Без такого временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление», – М.М. Бахтин [2, с. 405].

Вместе с тем, существуя в знаковой форме, явления культуры отражаются во внутреннем мире каждого человека, как его системные психические образования по восприятию, оценке и пониманию культурных знаков и символов, а также знаково-символического языка (например, системы стилистики орнамента). Немецкий логик Г. Фреге определил это как единство знака в материальной и идеальной форме, то есть логическую смысловую модель.

«Знак (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, т.е. с тем, что можно было бы назвать денотатом знака, с вещью, которую этот знак обозначает, но и с тем, что Фреге называл смыслом знака, призванным отображать способ представления обозначаемого данным знаком» [4].

К.А. Свасьян в системном взгляде на социальные процессы, определяет следующие методологические закономерности, указывающие на комплекс средств по изучению явлений культуры:

«Целое культуры не сводится только к науке; наряду с наукой оно включает ряд иных форм, обладающих не менее автономными правами, чем наука. Культура – комплекс, и, будучи комплексом, требует комплексного подхода, где каждому из элементов уделена своя неповторимая и *уместная* роль...» [5, с. 232].

Культура человечества, включая множество ключевых понятий, фиксирует как материальные, физические, так и духовные потребности человека, а также и само воспроизводство человеческого рода. В этом контексте рассматривается мысль С.Б. Рождественской о «конвенциональном харак-

тере знаков и символов культуры», при использовании которых, самореализуется в культуре «диалог» об их значении [6, с. 49].

Каждая культура, имеет свой набор стратегий общения (обращения); среди них можно выделить как базовые инструменты, необходимые в любой культуре, называемые универсальными: язык, речь, предметный мир артефактов, идеология, искусство, нормативные системы, война. Но есть и такие, которые мы наблюдаем только в некоторых культурах – к ним, можно отнести даже современную технику, по мнению А.А. Воронина [7, с. 157–160].

Восприятие, оценка и понимание, хранение, дезархивация, трансляция, обмен, «то есть процедуры кодировки, интерпретации», а также и структурирование материальной культуры, как средства коммуникации в культурно-историческом времени и пространстве, проходит различными путями. Например, в процессе анализа и синтеза фактов, явлений культуры, артефактов искусства. Вместе с тем, процессы познания могут быть реализованы в процессе социокультурной адаптации, инициации молодых поколений в культуру. Известны также различные формы аккультурации, культурной диффузии, развития духовных потребностей, изучения архетипов, естественных и искусственных языков, *знаков и символов в культуре, иероглифов и пиктограмм, инверсивных и инкультурационных процессов, мифологии, обрядов, обычаев, традиций и ритуалов, а также и художественно-исторического познания мира в форме изучения культурно-исторического контекста человечества.* Рассматривая «культурно-исторический контекст» определяем «проблему границ этой области» (М.М. Бахтин), так называемые методологические константы исследования знаково-символической основы ритуальности в культуре.

А.К. Байбурун в структурно-семантическом анализе традиционной культуры исследует ее функции, формы и виды обрядов, ритуалов и ритуального поведения. Рассматривая особенности организации ритуальной информации, прагматические ориентиры и функции обрядов, ритуалов, и ритуального поведения в традиционной культуре, мы, прежде всего, ориентируем методологию исследования орнамента, как знаково-символического языка ритуалов культуры. Что позволяет изучать весь культурно-исторический процесс как непрерывную и пронизанную символами череду поколений людей и создаваемую

этими людьми культуру, то есть – целостный контент – «семиосферу».

Таким образом, самореализуемое поле культурной деятельности человека, (знаково-символическая прагматика), функционируя, сохраняет социальное пространство индивида, то есть культурное поле, где символы создают континуум целостности культурно-исторического текста и контекста (семиосфера, ноосфера, когитосфера, духосфера). Вместе с тем, жизнедеятельность индивида в социальном плане сопряжена с различными ритуалами, которые обеспечивают стереотипизацию поведения: рождение, рост и развитие человека, его инициацию, переход в различные возрастные и социокультурные образования и группы («свои – чужие»). Такая стереотипизация создает устойчивость культуры, которая и реализована, прежде всего, в знаково-символической форме, а отражена знаково-символическим языком (например, орнамента) в непосредственной прагматике ритуалов, обычаев и других поведенческих паттернах. Жизнеспособность социума и культуры «во многом обуславливается тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство и целостность. Имеются в виду не только семиотические связи, с помощью которых достигается слитность разнородных сфер культуры. Целостность культуры предполагает также выработку единообразных правил поведения, общей памяти и общей картины мира. Именно на эти (интегрирующий и стабилизирующий) аспекты функционирования культуры направлено действие механизма традиции, в основе которого лежит процесс стереотипизации опыта», – утверждает А.К. Байбурун [8, с. 5].

Ритуалы культуры, наряду с другими структурирующими понятиями, такими как обычай, традиция, а также обряд, который часто рассматривается как синоним ритуала – это различные формы социальной организации поведения индивида, как на уровне выражения, так и на уровне содержания. Вместе с тем именно ритуалы предназначены для обеспечения наиболее важных жизненных функций социума и, в связи с этим обстоятельством, имеют не только общие закономерности, но и различия. Однако, по замечанию А.К. Байбурина, «отмечаемые различия, всевозможные инновации и модификации, как правило, затрагивают лишь поверхностные уровни ритуала (относящиеся к плану выражения), в то время как глубинные, содержательные, архетипические схемы отличаются поразительной устойчивостью и единообразием» [9, с. 27].

Это обстоятельство, указывающее на «устой-

чивость и единообразие» знаково-символического языка ритуалов, как формы социальной организации людей, составляет интегрирующий потенциал ритуала, что позволяет изучать его закономерности, которые реализуют фенотипическое функционирование человека в жизнедеятельности и, соответственно, в культуре. Таким образом, интегрирующий фактор ритуала объединяет человечество во времени и пространстве, в антропологическом единстве природы человека, которое устойчиво реализуется множеством форм культурной самоорганизации человечества на земле, что в первую очередь, привносится знаково-символическим языком ритуалов культуры, что позволяет этому знаково-символическому языку отражать человека в его времени, как система орнаментальной культуры определенного времени.

В рамках конвенциональности всей культуры можно назвать, например, музыкальную культуру, театр, игры спортивные и возрастные и множество других культурных форм взаимодействия в социуме. Условия «конвенциональности культурной территории и обозначения ее границ» (С.Б. Рождественская) [6, с. 50] позволяют взаимодействовать на материалах культуры в форме непосредственных, а также знаково-символических интерпретаций культуры. Знаково-символическая картина мира каждого индивидуума содержит систему культурно-исторических координат, и даже определенные когнитивные карты, например, цвет и его использование в конкретной культуре, знаки и символы в контексте этой культуры и т.д.

Культурно-исторический контекст, культурная история человечества содержит необходимые и актуальные символы и коды культуры, «пейсмейкеры», «гештальты», «сигналы», «знаки» для осуществления метакоммуникации между народами и общностями, этносами и субэтносами и другими условными категориями, которые стратифицируют человеческое сообщество на земле. Манифестация культурного, культурно-исторического, этнического своеобразия индивида происходит через личностные установки, а затем в различных материальных проекциях таких особенностей. Существует вместе с человеком сигнификативность его тела, его одежды, бытового и делового мира, то есть весь знаково-символический континуум материальной и духовной культуры, который имеет конвенциональный смысл содержания и формы антропологических посланий.

Внешние и внутренние формы существования и отражения различной культурной информации,

это взгляд на целостность природы человека. В совокупности знаковых систем культуры в постоянно идущем процессе сверхдетерминации символов при их восприятии, оценке и понимании, происходит социальное приобщение к культурному континууму, а значит, реализуется ритуальность таких знаково-символических процессов и в равной мере, выражает суть процесса как внутреннего, так и внешнего. Например, внешними формами, как простыми символами выступают геометрические формы и знаки, а внутренними символами, отражающиеся в онтотипических координатах каждого индивида.

На знаково-символический язык значений, а также сопряженную с ним числовую символику, то есть «особый акцент на числа, например, кратные «3» и в специфических формах этих сопутствующих знаков, повторяемых как геометрические узоры», – указывает Б.А. Фролов [10, с. 91]. Это напрямую относится к ритуальности орнаментальной культуры, причем в наиболее ранних формах «предыстории символа», что указывает на тот значимый антропологический след, который образован знаково-символическим языком орнамента в «исключительной долговечности основных мотивов первобытной символики», – подчеркивает Б.А. Фролов [10], ссылаясь на А. Леруа-Гурана.

Понимание символа как самоорганизующейся модели сознания человека в культуре, и в трудноуловимой сути экзистенциальности его смысла, порождает его кодирующие свойства в орнаменте, который интерпретирует ритмы мироздания в ритуалах культуры. Роль символа в человеческой практике и познании мира невозможно переоценить. Э. Кассирер даже определяет самого человека как «символизирующее существо», а «символический универсум», в котором человек живет, по его мнению, составлен из различных частей, которыми являются язык, миф, искусство и религия и др.

Символ используется человеком в некоторых видах деятельности и имеет в силу этого определенную цель. Он всегда служит обнаружению чего-то неявного, не лежащего на поверхности, непредсказуемого. Если цель отсутствует, то нет и символа как элемента социальной жизни, а есть то, что обычно называется знаком и служит для простого обозначения объекта. Разъяснение смысла символа «неизбежно ведет к новым символам» [11], которые не только не способны исчерпать всю его глубину, но и сами требуют разъяснения. «Смысл символа обычно носит динами-

ческий, становящийся характер и может быть уподоблен тому, что в математике именуется «потенциальной бесконечностью» и противопоставляется «актуальной», завершенной бесконечности. Вместе с тем, символ является с точки зрения его смысла чем-то цельным и замкнутым» [11] – значение и толкование понятия *символ* по логическому словарю.

А.Ф. Лосев отметил символ как «идеальную конструкцию вещи», поскольку *символ* в скрытой форме содержит в себе перспективу для ее развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его конечным проявлениям. Символ является, таким образом, не просто знаком тех или иных предметов, но он заключает в себе «обобщенный принцип» дальнейшего развертывания свернутого в нем «смыслового содержания». Словом, нет такой вещи, которая не была бы «сгустком человеческих отношений», то есть, словами Лосева «символом этих отношений». Явления природы, существующие до всякого человека и без его трудовых усилий, все равно воспринимаются человеком и используются им в зависимости от его исторического развития, социального положения и общественной значимости. Одним способом воспринимаем мы звездное небо теперь, другим образом понимали его сто или двести лет назад, или три тысячи лет назад. От чего же зависят все эти картины мироздания? Все они суть разные символы человеческой культуры, то есть как «символы в качестве сгустков человеческих отношений данного времени и данного места», – указывает А. Ф. Лосев на всеохватность символа как снаружи человека в культуре, так и внутри него, в его душе [12, с. 161]. Таким образом, и рассматриваем прагматику символа как энергию и «сгусток человеческих отношений», порождающих знаково-символический язык содержательной материи в культуре. В ритмах орнамента символ «пробегает» знаки выразительности, оставаясь успешным процессом перехода восприятия и оценки к пониманию знака, то есть к содержанию многозначности его в символе.

Исследование информационной сферы культуры имеет современные особенности и представляет собой «...сетевой текст, <...> который может стать гипертекстом за счет любого числа примечаний, дополнений; это делает его фактом обучения, эрудиции, источником справочной информации», – по мнению Г. С. Кнабе [13, с. 39], что и подтверждает мысль о том, что «...знак тесно связан с такими более сложными формами

фиксации культурно-значимой информации, как символ, художественный образ, культурный код» [11].

Знак связан с более сложными понятиями, которые являются ключевыми для знаково-символического языка (орнаментальной) культуры и, рассматривая *символ*, замечаем, что он может быть выражен либо одним, но и несколькими различными знаками. В контексте интерпретации знаков и символов в культуре, весьма важно заметить, что солярные (то есть солнечные) знаки, символы солнца (дневного светила) и луны (ночного светила) в культурно-историческом контексте, обозначаются различными геометрическими фигурами. Известны такие солярные знаки и символы как: круг, квадрат, треугольник, полукруг, а также рисуночные модификации этих геометрических форм и фигур, например – крест, колесо, свастика и другие.

В целом, пронизывая культурно-исторический контекст, символ, путем реализации в различных знаках культуры, прорастает в различные слои культуры, по мысли Ю.М. Лотмана сшивая ее, «прошлое, настоящее и будущее». В этой же связи важно концептуализирующее мнение современных французских авторов – Б. Дешарне и Л. Нефонтена, которые в книге «Символ» уточняли «области определения» символа, символизацию во времени-пространстве культуры и науки, а также «неуловимость» и невозможность полной вербализации символа, который, однако «способствует экономии высказывания». По мнению этих авторов, неотъемлемой ролью символа, как уже было отмечено ранее, является «сокращение разрыва между прошлым, настоящим и будущим» – Б. Дешарне и Л. Нефонтен [14, с. 177], то есть сохранение преемственности, непрерывности, экзистенциальности культурно-исторического контекста.

Подчеркнем неотделимость знака от символа. В ходе кодировки, раскодировки, а также перекодировки культурно-исторической реальности в культуре и искусстве «интеллектуальные символы» реализуют культурную коммуникацию. *Знак*, является материальным объектом (артефактом), выступает в коммуникативном или трансляционном процессе аналогом другого объекта (предмета, свойства, явления, понятия, действия), замещающий этот объект в культуре. Знак является наряду с другими понятиями культуры, одним из структурных средств культуры, поскольку с его помощью осуществляется фиксация индивидуальной и общественно значимой информации о человеке и мире в культурных текстах, общение индивидов и социальных групп между собой, со-

вместное целедостижение. Сложившееся определение понятия.

«Знак условный объект (чувственно воспринимаемый предмет или явление), представляющий при определенных условиях некоторое смысловое значение, которое может быть предметом, явлением, отношением, процессом или абстрактным понятием. Знак может являться копией представляемого объекта (естественные знаки), его признаком (например, в аллегориях) или символом. Семиотика – общая теория знаков – подчеркивает, что знаки могут принимать множество форм, включая изображения, одежду, социальное отражение и пр. Искусство в целом может рассматриваться как сложная знаковая система, в которой выделяются знаки разных уровней: отвлеченное начертание (в первобытном, традиционном или народном искусстве как единичный мотив), являющееся знаками природных или сверхъестественных сил; изображение как знак явления, обращенного в понятие, олицетворение нравственной, религиозной или общественной идеи (аллегория); развитый образ – символ, воплощающий систему представлений, идей и духовных сущностей. В архитектуре с древних времен знаковой системой становится сооружение, части которого представляют собой небесную и земную сферы, или архитектурный ансамбль, каждый компонент которого наделяется смысловым значением. А в декоративно-прикладном искусстве части сосуда, костюма или бытовой обстановки интерьера также получают символический смысл, выявляемый орнаментом или изображением» – статья в словаре «Аполлон» [15, с. 195–196].

Культурно-историческая коммуникация, как традиция взаимодействия в пространстве / времени культуры, реализуется различными средствами, в том числе, и непосредственно, в знаково-символической форме, через стилистику орнаментальной культуры и представляет собой стойкий принцип, характеризующий человека в традиции, его социальной роли в дифференцирующей и интегрирующей форме функционирования и отражения культуры. Само функционирование культуры – это определенные правила и закономерности, которые возникают у индивида в его социальном поведении. По мнению А.К. Байбурина – «собственно культура и начинается с того, что на поведение накладываются некоторые дополнительные ограничения, не мотивированные физическими или биологическими критериями. Только в этом случае имеет смысл говорить о социальном поведении» [9, с. 23].

Социальное поведение, как можно предположить, неизбежно имеет различные ориентиры, которые отделены от человека в знаково-

символическое пространство культуры. Знаки и символы, находясь вне человека, тем не менее, участвуют в его жизнедеятельности в непосредственных процессах коммуникации с другими людьми. Отражение таких культурных ориентиров происходит во внутреннем мире человека. Далее, по мысли В. Н. Топорова, (на него в своей книге ссылается А. К. Байбурин) «происходит переработка первичной информации с помощью знаковых средств, то есть своеобразное «удвоение» мира: появляется образ мира, который находит свое воплощение в самых различных фактах поведения и результатах деятельности» [9, с. 24].

Ритуалы, как основные понятия культуры в многообразии своих воплощений, а также закономерная знаковость ритуальных форм социальной жизни, культурно-историческая роль и значение ритуала в различные периоды общественной жизни индивида. Обустройство «ритуала в традиционной культуре» и другие вытекающие из этих понятий, сопредельные области, указывают на знаково-символическую структуру и прагматику знаков, имеющих отношение к самому человеку в ритуалах культуры. Поскольку весь опыт культурных форм «метакоммуникации» человечества функционирует в культуре, а также в «архетипе» каждого индивида, то символическое пространство реальной культуры инициирует своих адептов, как открытая система. Культура как многообразие и, одновременно единство, находится во взаимообмене с актуальным запросом на ее содержание, которое социально, а также индивидуально, поскольку отождествляется с субъективно-интуитивной реакцией на реальные события, явления, вещи и многообразные отношения между ними.

Например, игра, как мифотворчество в формах духовных и художественных образов мира. Импровизационный характер восприятия и реагирования в ситуации по игровому моделированию строится с привнесением в *представление* человека, которым он обладает изначально, различных реальных вербальных и невербальных составляющих. Вербальной реальностью является, прежде всего, сам язык как смыслообразующий конструкт, наряду со звуковой, тембровой и ритмо-насыщенной его характеристикой (эмоциональной), которая соотносима с «речевой волей говорящего» (М. М. Бахтин) [16]. Невербальной реальностью, образующей сферу импровизации в игре, сказке, мифотворчестве, выступает визуальная панорама всего окружения человека и мира культурных орудий: вещный мир, или мир вещей и

символов вещей, иллюстрации, репродукции и другие культурные проекции деятельности человека в культуре и искусстве.

«Нить Ариадны в лабиринте культуры», – это знаково-символический язык человека – орнамент, который ведет его, как полимодальное, то есть универсальное средство импровизации, как традиционный путь достижения социального, личностного, этнического и другого созвучия в знаково-символических ритуалах культуры. Во все времена присутствия человека на земле в орнаментике моделируется, загадывается и разгадывается человекосообразный ритм жизни индивида в созвучии к социуму и космосу с целью воссоздания антропийного знаково-символического языка ритуала, ритуала-оберега и сохранения *homo sapiens*. Вместе с тем «орнаментальные записи орнаментов», указывает Л. В. Панкратова «позволяют выявить вещи, обладающие повышенным семиотическим статусом, следовательно, отчетливо реализующим знаковую функцию» [17, с. 24] и структуру знаково-символических текстов культуры, отражая стилистику времени и семантику конвенциональных значений знаково-символического языка человека и культуры, одновременно.

Вывод: Каждая культура, имеет стратегии общения и коммуникации людей, обладает базовыми универсальными инструментами, которые необходимы в любой культуре, например: язык, речь, предметный мир артефактов, идеология, искусство, различные нормативные системы, а также война и многие другие. Трансляция культурно-исторического содержания окружающей индивида культуры происходит в семиосфере посредством символов, пронизывающих как прошлое, так и настоящее, а также уходящих в будущее в череде поколений людей. Каждый человек, по праву своего рождения на земле и факту культурно-исторического контекста, в процессе культурной коммуникации сопряжен с конвенциональным культурным полем всего человечества. Внешние и внутренние формы существования и отражения различной культурной информации, как единый взгляд на целостность человека, указывают на то, что внешние формы, и внутреннее отражение таких форм, присущи знаково-символическому языку, как самого человека, так же и культуры, отражаясь в стиле орнамента этой системы культуры. Знаково-символический язык ритуалов культуры, присущ сознанию каждого человека, является неотъемлемой от него знаково-символической программой социальной ини-

циации его сознания. То есть, сознание человека, обладая символопорождающей функцией, возникающей на основе его собственных когнитивных процессов, отражено в культуре как знаково-

символическая прагматика ритуалов культуры, а также как проявление конвенциональной сущности его языка [18].

1. Лотман, Ю.М. Семиосфера. СПб., «Искусство–СПБ», 2000. 704 с.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., «Худож. лит.», 1975. 504 с.
3. Бахтин, М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., Азбука, 2000. 336 с.
4. Фреге Готлиб. История общества // Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Кругосвет»: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FREGE_GOTLOB.html
5. Свасьян, К.А. Философия символических форм Э. Кассирера. Критический анализ. 2-е изд. М., Академический проект, 2010. 243 с.
6. Рождественская, С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М., Наука, 1981. 207 с.
7. Воронин, А.А. Техника как феномен культуры. Концепты: коммуникативные стратегии, техника, отчуждение и самореализация, креативность человека. Коммуникативные стратегии. 1. Культура как системное единство коммуникативных стратегий // Теоретическая культурология. Сер. «Энциклопедия культурологии» / Гл. ред. сер. Разлогов, К.Э.; Ред. колл. сер.: Быховская, И.М., Митрохин, Л.Н., Перепелкин, Л.С., Румянцев, О.К.; Томилов, И.А., Шулепова, Э.А.; Ответ. ред. кн. Румянцев, О.К.; Ред. кн.: Шеманов, А.Ю.; Ред. колл. кн.: Визгин, В.П. (ред. разд. 2), Захарченко, Е.Г. (отв. секр., лит. ред.), Келле, В.Ж. (ред. разд. 4), Михайлов, Ф.Т. (ред. разд. 3), Огурцов, А.П. (ред. разд. 5), Румянцев, О.К. (ред. разд. 1), Шеманов, А.Ю. (ред. разд. 6); Авт. колл. кн.: Ахутин, А.В., Визгин, В.П., Воронин, А.А., Гаман-Голутвина, О.В., Григорьев, А.А., Каган, М.С., Келле, В.Ж., Межуев, В.М. М., Изд-во: Академический проект, Деловая книга, 2005. С. 153–164.
8. Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., Наука, 1993. 240 с.
9. Байбурин, А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. М., Наука, 1991. С. 23–42.
10. Фролов, Б.А. Предыстория символа // Этнознаковые функции культуры. М., Наука, 1991. С.86–128.
11. Словари и энциклопедии: <http://slovaizbukv.ru/>
12. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М., Искусство, 1995. 320 с.
13. Кнабе, Г.С. Местоимения постмодерна // Чтения по истории и теории культуры. Вып. 40. М., Изд-во: РГГУ, 2004. С.8–9; 11–44; 28; 39; Кнабе, Г.С. Семиотика культуры // Избр. тр.: Теория и история культуры. М., РОССПЭН, СПб., Летний сад, 2006. С. 109–118; Кнабе, Г.С. Переживание знака. Знак и смысл // Избр. тр.: Теория и история культуры. М., РОССПЭН, СПб., Летний сад, 2006. С. 118–125; Кнабе, Г.С. Знак и его свойства // Избр. тр.: Теория и история культуры. М., РОССПЭН, СПб., Летний сад, 2006. С. 125–130; Кнабе, Г.С. Воображение знака // Избр. тр.: Теория и история культуры. М., РОССПЭН, СПб., Летний сад, 2006. С. 132–144; Кнабе, Г.С. Норма и символ // «Вопросы литературы». 2006, №2. Филология в лицах // Журнальный зал: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/>
14. Дешарне, Б., Нефонтен Л. Символ / пер.с фр. И.Л. Нагле. М., АСТ, Астрель, 2007. 192 с.
15. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь / под общ. ред. А.М. Кантора. М., Эллис Лак, 1997. 736 с.
16. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979. 424 с.
17. Панкратова, Л. В. «Заслоняющий от бед и дающий изобилие...» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С.24–33.
18. Привалова, В.М. Орнаментальная культура. Аналитический обзор символов и знаков геометрического орнамента в антропологической картине мира // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2010. Т. 12. № 3. С. 255–263; Привалова, В.М. Обусловленность орнамента как знаково-символического ритуала в культуре // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2011. Т. 13. № 2(4). С. 1001–1010; Привалова, В.М. Самоидентификация в контексте орнамента – восприятие, оценка и понимание символа // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2012. Т. 14. № 2(2). С. 537–546; Привалова В.М. Орнамент как интерпретация знаково-символического ритуала в методологии исследования семиосферы / когитосферы / духосферы культуры и искусства // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2013. Т. 15. № 2(4). С. 1116–1123; Привалова, В.М. Ритм орнамента как проекция мироздания в семантике знаков и символов // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2014. Т. 16. № 2. С. 236–246; Привалова, В.М., Петренко, В.Ф. Психосемантика орнамента в семиотике культуры // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2014. Т. 16. № 2(2). С. 482–489.

SIGN AND SYMBOLICAL PRAGMATICS AS BASIS OF RITUALS OF CULTURE

© 2017 V.M. Privalova

Vera M. Privalova, doctor of culturology, candidate of psychological sciences, scientific editor of the journal "Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences".

E-mail: privalova@ssc.smr.ru

Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Samara, Russia

The cultural continuum in which there is a process of modern person life activity consists of the most stable elements – symbols. According to Yu.M. Lotman, symbols act as an important, and in our opinion, as the self-organized mechanism of the culture memory: symbols transfer texts, narrative schemes and other semiotic formations from one culture layer to another. Moreover, the constant character sets penetrating a diachrony of culture considerably undertake function of unity mechanisms: carrying out in practice the culture memory of itself they do not allow it to fall into isolated chronological layers. Let's note that symbols mark and reflect the main up to date processes in society. All this proves that "unity of the main dominating symbols set, and duration of their cultural life is determined considerably by national and areal limits of cultures" (Yu.M. Lotman). Thus we consider "symbol generating function" of consciousness which generates the meanings folded up into symbols are considered as an initial prerequisite of communication sign in culture as a basis of people communication. In this regard the unified cognitive human nature in its cultural history determines forms of its internal "existence" on perception, assessment and understanding of culture symbols which have historically developed conventional character.

Conclusion. Each culture has the strategy of interaction and communication of people, possesses basic universal means which are necessary in any culture, for example: language, speech, objective world of artifacts, ideology, art, various standard systems and also war and others. Broadcast of cultural and historical content of culture surrounding the individual happens in a semiosfer by means of the symbols penetrating both the past and the present and also going to the future in series of people generations. Each person, by the right of the birth on the earth and the fact of a cultural and historical context in the course of cultural communication is accompanied by the conventional cultural field of all mankind. External and internal forms of existence and reflection of various cultural information as consensus on person integrity indicate that external forms, and internal reflection of such forms, are inherent to sign and symbolic language and also are an ornament style in the system of culture. Sign and symbolic language of culture rituals is inherent to consciousness of each person, is integral from the sign and symbolic program of social initiation of consciousness. That is consciousness of the person possessing the symbol generating function evolving from his own cognitive processes is reflected in culture as sign and symbolic pragmatics of culture rituals and also as conventionality of sign and symbolic language.

Keywords: Cultural and historical continuum of culture; stability of a sign and symbolical context of social communication; conventionality of symbols of culture; sign and symbolical pragmatics of rituals.

1. Lotman, Yu.M. *Semiosfera (Semiosphere)*. SPb., «Iskusstvo–SPB», 2000. 704 s.
2. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let (Questions of literature and esthetics. Researches of different years)*. M., «Khudozh. lit.», 1975. 504 s.
3. Bakhtin, M.M. *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk (Author and hero. To philosophical fundamentals of the humanities)*. SPb., Azbuka, 2000. 336 s.
4. Frege Gotlib. *Istoriya obshchestva (History of society) // Universal'naya nauchno-populyarnaya onlain-entsiklopediya «Krugosvet»: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FREGE_GOTLOB.html*
5. Svas'yan, K.A. *Filosofiya simvolicheskikh form E. Kassirera. Kriticheskii analiz (Philosophy of E. Cassirera symbolical forms. Critical analysis)*. 2-e izd. M., Akademicheskii proekt, 2010. 243 s.
6. Rozhdestvenskaya, S.B. *Russkaya narodnaya khudozhestvennaya traditsiya v sovremennom obshchestve. Arkhitekturnyi dekor i khudozhestvennyye promysly (The Russian national art tradition in modern society. Architectural decor and art handicrafts)*. M., Nauka, 1981. 207 s.
7. Voronin, A.A. *Tekhnika kak fenomen kul'tury. Kontsepty: kommunikativnye strategii, tekhnika, otchuzhdenie i samorealizatsiya, kreativnost' cheloveka. Kommunikativnye strategii. 1. Kul'tura kak sistemnoe edinstvo kommunikativnykh strategii (Technique as culture phenomenon. Concepts: communicative strategy, technique, alienation and self-realization, creativity of the person. Communicative strategy. 1. Culture as a system unity of communicative strategy). Teoreticheskaya kul'turologiya. Ser. «Entsiklopediya kul'turologii» / Gl. red. ser. Razlogov, K.E.; Red. koll. ser.: Bykhovskaya, I.M., Mitrokhin, L.N., Perepelkin, L.S., Rumyantsev, O.K.; Tomilov, I.A., Shulepova, E.A.; Otvet. red. kn. Rumyantsev, O.K.; Red. kn.: Shemanov, A.Yu.; Red. koll. kn.: Vizgin, V.P. (red. razd. 2), Zakharchenko, E.G. (otv. sekr., lit. red.), Kelle, V.Zh. (red. razd. 4), Mikhailov, F.T. (red. razd. 3), Ogurtsov, A.P. (red. razd. 5), Rumyantsev, O.K. (red. razd. 1), Shemanov, A.Yu. (red. razd. 6); Avt. koll. kn.: Akhutin, A.V., Vizgin, V.P., Voronin, A.A., Gaman-*

- Golutvina, O.V., Grigor'ev, A.A., Kagan, M.S., Kelle, V.Zh., Mezhev, V.M. M., Izd-vo: Akademicheskii proekt, Delovaya kniga, 2005. S. 153–164.
8. Baiburin, A.K. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavvianskikh obryadov (Ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic ceremonies). SPb., Nauka, 1993. 240 s.
 9. Baiburin, A.K. Ritual v sisteme znakovykh sredstv kul'tury (Ritual in the culture representational system). *Etnoznakovye funktsii kul'tury*. M., Nauka, 1991. C. 23–42.
 10. Frolov, B.A. Predystoriya simvola (Background of a symbol). *Etnoznakovye funktsii kul'tury*. M., Nauka, 1991. S.86–128.
 11. Slovarei i entsiklopedii (Dictionaries and encyclopedias): <http://slovaizbukv.ru/>
 12. Losev, A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo (Problem of a symbol and realistic art). 2-e izd., ispr. M., Iskusstvo, 1995. 320 s.
 13. Knabe, G.S. Mestoimeniya postmoderna (Postmodern pronouns). *Chteniya po istorii i teorii kul'tury*. Vyp. 40. M., Izd-vo: RGGU, 2004. S.8–9; 11–44; 28; 39; Knabe, G.S. Semiotika kul'tury (Culture semiotics). *Izbr. tr.: Teoriya i istoriya kul'tury*. M., ROSSPEN, SPb., Letnii sad, 2006. S. 109–118; Knabe, G.S. Perezhivanie znaka. Znak i smysl (Experience of the sign. Sign and sense). *Izbr. tr.: Teoriya i istoriya kul'tury*. M., ROSSPEN, SPb., Letnii sad, 2006. S. 118–125; Knabe, G.S. Znak i ego svoistva (Sign and its properties). *Izbr. tr.: Teoriya i istoriya kul'tury*. M., ROSSPEN, SPb., Letnii sad, 2006. S. 125–130; Knabe, G.S. Voobrazhenie znaka (Imagination of the sign). *Izbr. tr.: Teoriya i istoriya kul'tury*. M., ROSSPEN, SPb., Letnii sad, 2006. S. 132–144; Knabe, G.S. Norma i simvol (Norm and symbol). *Voprosy literatury*. 2006, №2. Filologiya v litsakh. Zhurnal'nyi zal: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/>
 14. Desharne, B., Nefonten L. Simvol (Symbol) / per.s fr. I.L. Nagle. M., ACT, Astrel', 2007. 192 c.
 15. Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arkhitektura: terminologicheskii slovar' (Apollo. Fine and decorative arts. Architecture: Terminological dictionary) / pod obshch. red. A.M. Kantora. M., Ellis Lak, 1997. 736 s.
 16. Bakhtin, M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva (Esthetics of verbal creativity). M., Iskusstvo, 1979. 424 s.
 17. Pankratova, L. V. «Zaslonyayushchii ot bed i dayushchii izobilie...» ("Shadowing from troubles and giving abundance ..."). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2013. № 1 (20). S.24–33.
 18. Privalova, V.M. Ornamental'naya kul'tura. Analiticheskii obzor simvolov i znakov geometricheskogo ornamenta v antropologicheskoi kartine mira (Ornamental culture. The state-of-the-art review of symbols and signs of a geometrical ornament in an anthropological picture of the world). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2010. T. 12. № 3. S. 255–263; Privalova, V.M. Obuslovlennost' ornamenta kak znakov-simvolicheskogo rituala v kul'ture (Conditionality of an ornament as sign and symbolical ritual in culture). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2011. T. 13. № 2(4). S. 1001–1010; Privalova, V.M. Samoidentifikatsiya v kontekste ornamenta–vospriyatie, otsenka i ponimanie simvola (Self-identification in the context of an ornament – perception, assessment and understanding of a symbol). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2012. T. 14. № 2(2). S. 537–546; Privalova V.M. Ornament kak interpretatsiya znakov-simvolicheskogo rituala v metodologii issledovaniya semiosfery / kogitosfery / dukhosfery kul'tury i iskusstva (Ornament as interpretation of a sign and symbolical ritual in semiosphere research methodology / cogitosphere / dukhosphere of culture and art). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2013. T. 15. № 2(4). S. 1116–1123; Privalova, V.M. Ritm ornamenta kak proektsiya mirozdaniya v semantike znakov i simvolov (Ornament rhythm as a universe projection in semantics of signs and symbols). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2014. T. 16. № 2. S. 236–246; Privalova, V.M., Petrenko, V.F. Psikhosemantika ornamenta v semiotike kul'tury (Psychosemantics of an ornament in semiotics of culture). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2014. T. 16. № 2(2). S. 482–489.